

ТОРГОВО-ПРОМЫШЛЕННАЯ ПАЛАТА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

WORLD TRADE CENTER
MOSCOW

ЦЕНТР МЕЖДУНАРОДНОЙ
ТОРГОВЛИ

WWW.WTO.WTCMOSCOW.RU
МЕЖДУНАРОДНЫЙ
ДЕЛОВОЙ ЦЕНТР
РОССИЯ В ВТО

ПРОБЛЕМЫ УЧАСТИЯ РОССИИ В ВТО

ЗАСЕДАНИЕ «МЕРКУРИЙ КЛУБА»

ЦМТ Москва
Зал «Ладога»
11.10.2012

**ЦМТ Москва, зал «Ладога», 11 октября 2012 г.
Стенограмма**

КУЗНЕЦОВ Валерий Алексеевич, директор «Меркурий-клуба»

Прошу внимания, уважаемые члены и гости «Меркурий-клуба». От имени руководства клуба я приветствую вас на этом заседании и хочу вкратце ознакомить с регламентом нашей работы. До начала заседания к нам поступили заявки на выступление от целого ряда участников, и поэтому стартовый список участников дискуссии у нас уже сформирован. Остальных желающих я прошу подавать записки председательствующему на этом собрании.

Регламент у нас, исходя из общего времени, отпущенного на заседание, где-то до 10 минут каждому. Еще хочу сделать маленькое объявление. У нас в этот год – год 10-летия «Меркурий-клуба» – появилась новая форма работы, а именно гостиная «Меркурий-клуба», которая создана для встреч со знаковыми фигурами нашей современности. Хозяйкой гостиной любезно согласилась быть Людмила Ивановна Швецова, а организатором этого мероприятия будет ответственный секретарь «Меркурий-клуба» Лариса Владимировна Проценко.

А сейчас разрешите предоставить слово для введения и вступительного слова академику Российской академии наук, президенту «Меркурий-клуба» Примакову Евгению Максимовичу. Прошу вас.

ПРИМАКОВ Евгений Максимович, президент «Меркурий клуба», академик РАН

Спасибо большое. Уважаемые коллеги, друзья, ни для кого не секрет, что сегодняшнее обсуждение на заседании «Меркурий-клуба» весьма актуальное. Вступление России в ВТО – событие первостепенной важности, и широкое обсуждение в обществе этого события вполне закономерно. В этой связи возникает ряд вопросов. Первый – была ли реальная альтернатива вступления России в ВТО? Дело в том, что как раз такой альтернативы нет, она не существует. Перевод нашей экономики на рыночные рельсы обусловила ее открытие. Экономика России стала частью мировой экономики. Возвращение к изоляционизму невозможно. В то же самое время страны мира, в том числе и Россия, показывают рост внешней торговли, обгоняющий рост ВВП. Это общая тенденция и она не может быть развернутой вспять. Следовательно, Россия не может абстрагироваться от существования или игнорировать Всемирную торговую организацию, через страны-члены которой проходит около 95% мировой торговли, и которая определяет правила поведения на мировых рынках.

Второй вопрос – можно ли было подождать со вступлением в ВТО, отнести его на более поздний срок? Напомню, что переговоры о вступлении России в эту организацию шли 18 лет, и шаг за шагом удалось снять сопротивление со стороны целого ряда стран, занимавших негативную, а подчас и враждебную позицию в отношении нашей страны. В условиях консенсусного приема в ВТО, то есть необходимого для этого согласия всех членов организации, а их до вступления России было 155, сейчас – 156, пришлось маневрировать, проводить долгие и серьезные переговоры, осуществлять политические демарши. Когда этот путь уже пройден, можно ли было искусственно затормозить вступление России в ВТО? – а это предполагало бы необходимость начинать всю политическую компанию сначала. Конечно, нельзя идти на такие издержки и на такие риски.

Третий вопрос – многого ли Россия добилась во время 18-летнего переговорного марафона о вступлении в ВТО? Сравним некоторые первоначальные требования, предъявляемые России, с той схемой, на которую согласились наши партнеры по переговорам. Первоначально России предлагали обеспечить доступ иностранных компаний к добыче природных ресурсов и транспортировке нефти и газа по трубопроводам. В конечном итоге была достигнута договоренность, что регулирование доступа к ресурсам и их освоению будет далее определяться, как и сейчас, российским правительством и законодательной российской властью. В начале переговорного процесса от России требовали полного открытия рынка банковских и страховых услуг. По итогам переговоров Россия добилась установления квоты на участие иностранного капитала в банковской и страховой системах страны. Ряд членов ВТО настаивали на обнулении импортных пошлин на ввоз самолетов и автомобилей. Россия взяла обязательства не на обнуление, а на снижение пошлин, но в течение семи лет.

Следует добавить, что обязательства Российской Федерации в области сельского хозяйства значительно лучше стандартных, принимаемых другими странами, присоединяющимися к ВТО. Известно также, что Россия входит в десятку наиболее дискриминируемых государств, в отношении которых применяются защитные меры в целях ограничения доступа экспортируемых ими товаров. В отношении российских товаров действовало около ста таких вот ограничительных мер. Ратификация России, соглашение по ВТО означает автоматическую отмену некоторых ограничительных мер по российскому экспорту. Среди них: сталь, алкогольная продукция, спутниковые услуги, страхование. На следующем этапе будут сняты еще 92 ограничительные меры.

Четвертый вопрос – не сократятся ли возможности экономического роста России, и особенно развитие внешней торговли, после вступления в ВТО, с учетом того, что уровень производства не позволяет нам свободно конкурировать с иностранными производителями? Приведу конкретный пример Китая, который уже 11 лет состоит членом ВТО. После 2001 года, когда Китай вступил в эту организацию, его ВВП вырос в четыре раза, внешняя торговля – в семь раз. После вступления в ВТО из Китая за рубеж пошли большие объемы инвестиций, а в Китай объем прямых инвестиций увеличился в два с лишним раза. За 11 лет вступления Китая в ВТО страна превратилась в одну из самых мощных экономик мира. По объему внешней торговли Китай занял второе место в мире. В то же время следует отметить (я хочу обратить на это внимание), что более чем 3000 китайских законов и нормативных актов были приняты во время

членства Китая в ВТО, а средний уровень таможенных тарифов снизился с 15,3% до 9,80%.

Следующий вопрос – запрещает ли ВТО протекционизм для стран, вступивших в эту организацию? Практика показывает, что речь идет не о запрете протекционизма как такового, а об ограничении его методов и адаптации этих методов к правилам ВТО. Конечно, все это будет сделать труднее. Для этого нужно приложить больше ума. Все это так, однако, нельзя пройти мимо того, что присоединение к ВТО способствует увеличению импорта и углублению конкуренции на отечественном рынке. Некоторые наши производители будут поначалу в нелегком положении.

Для отдельных предприятий и отраслей ситуация может оказаться достаточно сложной. В тяжелом положении могут оказаться некоторые регионы, где пострадают системообразующие для города или района предприятия. Все это требует от предпринимателей необходимости приспосабливаться к новым условиям. Для нашего бизнеса сужается возможность (хочу это подчеркнуть) лоббирования в органах власти решений по усилению различных форм государственной поддержки. Сейчас это главная форма, к которой прибегает наш бизнес. Но в таких условиях наш бизнес должен сделать упор на рост производительности труда, снижение издержек, повышение конкурентоспособности товаров и услуг. Как показывает российская практика, в настоящее время это происходит в минимальных размерах.

Вместе с тем, без продуманной, целеустремленной государственной промышленной и аграрной политики с учетом норм ВТО не обойтись. Я еще раз хочу подчеркнуть – без государственной промышленной и аграрной политики с учетом норм ВТО. Необходимо, прежде всего, провести исследования, как в полной мере использовать выделенный при нашем вступлении в ВТО срок для адаптации, а также научиться маневрировать, уже находясь в ВТО, в этой организации, как это делают многие страны – участницы ВТО. Нужно прямо сказать, что успех адаптации российской экономики к принятым правилам ВТО, масштабы и эффективность маневрирования в рамках этих правил для защиты отечественного производителя непосредственно зависят от государственных финансовых возможностей.

Еще контрастнее, чем раньше, обозначаются две проблемы. Первая – следует ли считать, как считают многие в правительстве, что в качестве первоочередной задачи является безотложное покрытие дефицита бюджета?

И вторая проблема – какую часть тех значительных средств, которую Россия получает от экспорта нефти, нужно направлять в

иностранные ценные бумаги? Конечно, необходимо, в конце концов, сделать бюджет профицитным, но разве не ясно, что многие страны успешно развиваются с куда большим дефицитом бюджета, чем мы? Естественно, следует быть готовым к возможной второй волне кризиса, но разве не понятно, что солидная часть средств, получаемых от экспорта нефти, могла бы быть направлена не в резервный фонд, а в расходную часть федерального бюджета? По словам министра финансов за 3 года: 2013, 2014 и 2015, Минфин намерен отчислять в резервный фонд все доходы, получаемые при цене нефти свыше 91 американского доллара за баррель. В сумме эти доходы составят 1 триллион 753 миллиарда рублей, в сумме за 3 года. Представляете, если бы солидная часть этих средств была бы использована на государственные инвестиции? Минфин считает, что Резервный фонд должен составлять 7% ВВП. Минэкономразвития считает, что Резервный фонд должен составлять 5% от ВВП.

Хотелось бы вообще получить не гадание на гуще, а опирающиеся на необходимые в таком случае исследования той суммы, которая должна быть на всякий случай накоплена. А пока что это «с потолка» берутся цифры. Раньше решение этих проблем замыкалось на необходимости еще большего увеличения финансирования здравоохранения, образования, науки, увеличения пенсии, вложения государства в развитие социальной сферы и безопасности. Теперь к этому прибавляется и тот факт (хочу это тоже подчеркнуть), что после вступления в ВТО наступает новый период для нашей экономики. Ожидаемые после присоединения к ВТО усиления конкуренции нужно использовать для ускорения структурной перестройки российской экономики.

Особое внимание необходимо уделить поддержке моногородам, которые могут быть наиболее уязвимыми. Кстати, такая поддержка предусматривается правилами ВТО в отношении депрессивных регионов. В целом наше вступление в ВТО – это не окончание, а начало процесса. Благодарю вас за внимание, а теперь мы приступаем к обсуждению.

Слово предоставляется Руденскому Игорю Николаевичу, председателю комитета Государственной Думы Российской Федерации по экономической политике, инновационному развитию и предпринимательству. Пожалуйста.

РУДЕНСКИЙ Игорь Николаевич, председатель Комитета Государственной Думы РФ по экономической политике, инновационному развитию и предпринимательству

Спасибо большое, Евгений Максимович. Уважаемые коллеги, мы все прекрасно понимаем, что, как сказал Евгений Максимович, альтернативы вступления в ВТО у нас практически не было, иначе мы навсегда остались бы на обочине мировой цивилизации. Поэтому не хочу повторяться. Хотелось бы сказать следующее – что мы в Государственной Думе провели большое количество заседаний, рабочих групп, провели несколько парламентских слушаний и пришли к мнению, что, конечно, за вступлением в ВТО должно последовать, это в первую очередь, увеличение инвестиций. Соответственно, увеличение или повышение конкурентоспособности, соответственно, модернизация производства, возможность получения современных технологий и, конечно же, в первую очередь, снятие барьеров для экспорта, для экспорта наших предприятий.

Поэтому наша задача сегодня – максимально использовать выгоду от вступления в ВТО и минимизировать риски для тех отраслей, которые наиболее чувствительны к процессам работы в условиях ВТО. Работая в Государственной Думе над всеми нашими проблемами при вступлении в ВТО, мы создали примерно 20 рабочих групп по всем отраслям, изучили практически все проблемы отраслей. Вы знаете, оказалось, что примерно 18 отраслей никакой финансовой поддержки у нас сегодня не просили. В основном, нужна помощь правительству по изменению подзаконных законодательных актов, и, в общем-то, в основном, нужна воля нашего правительства. Две отрасли, которые у нас могут потенциально пострадать, – это сельское хозяйство, и то не полностью, а там только точечные меры поддержки нужны. Это все, что касается сельхозмашиностроения, и на следующий год на сельхозмашиностроение предусмотрено в бюджете на модернизацию два миллиарда рублей.

Все, что касается легкой промышленности, – здесь ситуация намного сложнее, и мы над этой темой очень серьезно работали и работаем. Дело в том, что таможенные пошлины сокращаются с 40% до 5%. На рынке, вы знаете, что сегодня превалирует примерно 80% – это импортная продукция и, конечно, нашей легкой промышленности будет достаточно тяжело конкурировать. Поэтому мы сегодня с правительством нашли общий язык, и примерно 5 миллиардов рублей будет выделяться дополнительно на поддержку различных отраслей промышленности. Это на субсидирование процентных ставок, это все, что касается и самолетостроения, и композитных материалов, и деревообработки и так далее, ну и, в первую очередь, конечно же, легкой промышленности. На легкую промышленность из этих 5 миллиардов мы рассчитываем дать 3 миллиарда, это где-то примерно 600 миллионов рублей на субсидирование процентных ставок.

Все, что касается остальных мер поддержки, мы сегодня вышли к правительству с предложением освободить нашу легкую промышленность от налога на прибыль, так как всего мы от легкой промышленности в федеральный бюджет сегодня собираем примерно 2,5 миллиарда рублей, и при вступлении в ВТО показатели, наверное, еще больше ухудшатся. Поэтому есть предложение освободить нашу легкую промышленность, имеется в виду легкая, текстильная, кожевенная, все вместе, на какой-то период, например, на 5-10 лет от этого налога. Соответственно, если они эти средства будут инвестировать сами в себя, будут направлять на модернизацию. Так что вот такие у нас есть достаточно неплохие, я считаю, перспективы по поддержке нашей легкой промышленности. Все остальные отрасли тоже у нас достаточно неплохо поддерживаются, и мы ведем работы и дальше в этом направлении. Соответственно, готовим поправки в федеральную контрактную систему. Вы знаете, что закон уже принят в Государственной Думе в первом чтении.

Достаточно большие резервы, ресурсы здесь у нас имеются по федеральной контрактной системе. Вы знаете, что закупки производятся примерно на 6 триллионов рублей, и это будет достаточно существенная помощь нашим предприятиям и сельскому хозяйству, и легкой промышленности, и другим отраслям, если мы правильно эту тему отработаем. И мы сейчас в комитете очень серьезно над этой темой работаем, внесено огромное количество поправок, мы их все прорабатываем, надеюсь, что ко второму чтению в ноябре месяце мы выйдем с этим законопроектом, в котором будут отражены именно интересы наших отечественных предприятий.

Конечно, нам необходимо помнить, как мы все говорим, что за модернизацией следуют инновации, но, вы знаете, про инновации мы всегда говорим так, что они в чистом поле не рождаются, они рождаются там, где есть реальный сектор экономики. Потому что,

например, в прошлом году, я такой пример иногда привожу: американцы посчитали, что по промышленным патентам они первый раз в жизни проиграли китайцам только потому, что в свое время вывели реальный сектор экономики, огромное количество предприятий, в азиатские страны. И не на чем было эти инновации, в общем-то, апробировать, развивать. Поэтому мы сегодня настроены, что нам действительно нужно сегодня поддержать наш реальный сектор экономики, все предприятия, и у нас, кстати, для этого есть большие возможности в нашем бюджете.

И вот сегодня состоялось первое рассмотрение бюджета, доходной его части, и на самом деле у нас действительно есть резервы, о чем сказал Евгений Максимович, и мы сегодня можем направлять достаточно большие ресурсы именно в реальный сектор экономики. Нам, конечно же, необходимо строить и скоростные магистрали, и, соответственно, прокладывать скоростные железнодорожные пути, потому что в этой стране сегодня крайне нуждается, бизнес просто задыхается, да и невозможно сегодня достигнуть какой-то нормальной межрегиональной интеграции без современных средств доставки. Так что, мне кажется, что у нас есть именно ресурсы в этом направлении, и нужно делать все, чтобы поддерживать транспортную инфраструктуру.

Хотелось бы, конечно, сказать несколько слов о том, что у нас, помимо специфических мер поддержки, после того как мы изучили и отработали 22 отрасли, вырисовались или наметились общие меры поддержки практически для всех отраслей. Как мы говорим, что сегодня нам действительно нужно идти по пути инноваций, но с инновациями у нас дело обстоит не очень хорошо. Все вообще отрасли у нас заявили о том, что нам необходимы сегодня доступные дешевые кредиты. Конкурировать сегодня с иностранными производителями нам достаточно тяжело, потому что кредиты у них, вы все прекрасно знаете, в Америке вообще под 0,8%, Китай сегодня под 0,5% дает кредиты, а у нас они только дорожают, соответственно, от 12% сегодня начинается кредитная ставка. Это для сельского хозяйства. Для всех остальных она уже под 17-18% и выше и, конечно, нам очень тяжело развиваться, именно имея такие, достаточно непростые ресурсы в кредитовании. Поэтому мы считаем, что нужно, конечно, правительству обратить внимание на эту проблему, и есть у нас ресурсы.

Вот мы сегодня говорили о том, что есть средства Негосударственного пенсионного фонда, есть средства Фонда национального благосостояния. Эти средства можно было бы на возвратной основе сегодня предоставлять нашим предприятиям, Центробанк мог бы их выдавать нашим банкам под 3%, плюс 3% наших банков. Под 6% мы могли бы сегодня кредитовать и нашу

ипотеку, и развивать, и это средства, вы знаете, на 99% возвратные. И под такой процент с удовольствием сегодня все наши предприятия, все наши граждане брали бы эти средства и развивали огромные сектора экономики. К сожалению, сегодня эти средства размещаются нашим Центробанком и правительством менее чем под 1%. Это, конечно, очень печально, и хотелось бы, чтобы мы в этом направлении поработали с правительством и, конечно же, посмотрели, как нам использовать такие достаточно недорогие ресурсы, которые у нас сегодня практически лежат без дела.

И, конечно, мы выступаем против заимствования сегодня нашего правительства, потому что одно дело – закрывать, как мы говорим, дыру в федеральном бюджете заимствованием на внешних рынках, но другое дело – брать в кредит средства и направлять их в Резервный фонд. Это, по-моему, вообще никуда не годится. И сегодня мы, депутаты, в Государственной Думе резко выступаем против таких заимствований, которые направляются в Резервный фонд, и обосновываем это тем, что еще нужны средства на обслуживание этого так называемого кредита, который мы берем под 5-5,5%. И мы сейчас будем наращивать обслуживание внешнего долга примерно с 380 миллиардов рублей до 620 миллиардов в 2015 году, а это больше, чем выделение на многие наши направления. Это все касается и спорта, и культуры, и других направлений.

Так что, мне кажется, что здесь мы должны вести достаточно консервативную политику в плане заимствований. И те деньги, которые мы сэкономили бы на обслуживании процентов, а это порядка 240 миллиардов рублей за три года, можно было бы направить, опять же, на реальный сектор экономики, и, в том числе, на сельское хозяйство, на социальное развитие села, в чем сегодня крайне нуждается наше сельское хозяйство.

И еще несколько моментов, которые затрагивают сегодня все наши отрасли, в чем сегодня, кстати, нуждаются все отрасли, о чем мы говорили на наших секциях, когда работали над проблемами ВТО. Это, конечно, недостаток квалифицированных кадров, и нужно сделать все, чтобы мы обучали сегодня кадры, особенно те, которые нам понадобятся при вступлении в ВТО. Все, что касается финансового оздоровления предприятий, мы точно так же должны помочь нашим предприятиям, как я сказал, в этот непростой период, особенно при поддержке экспорта, особенно при возможности предоставления достаточно недорогих кредитов. Также поднимались темы по упрощению таможенных процедур, ну и, конечно же, все мы прекрасно понимаем, что основная проблема, которая коснется всех наших предприятий это те регламенты, которые сегодня принимаются на уровне евразийского пространства. Многие сегодня отрасли, даже не предприятия, а целые отрасли выступают именно с темой о

проблемах технических регламентов, которые мешают сегодня развиваться в рамках нашего евразийского пространства. Спасибо.

ПРИМАКОВ Е.М.:

Спасибо большое, Игорь Николаевич. Слово предоставляется Максиму Юрьевичу Медведкову, главному нашему переговорщику, руководителю делегации на переговорах о вступлении нашей страны в ВТО. Подготовиться Глазьеву Сергею Юрьевичу.

МЕДВЕДКОВ Максим Юрьевич, директор департамента торговых переговоров Минэкономразвития:

Спасибо большое, Евгений Максимович. Коллеги, сегодня 51-й день членства России в ВТО, и мы видим с вами, что ничего не произошло, ничего хорошего не произошло, и ничего плохого не произошло тоже. Это подтверждает наш давний прогноз о том, что последствия присоединения мы будем изучать в долгосрочной перспективе. Мы надеемся, и мы уверены, что они будут позитивными. Для того чтобы эта уверенность переросла в факты, необходимо продолжить принятие тех мер, о которых говорил Игорь Николаевич, и мы тесно сотрудничаем с Федеральным собранием и с бизнесом по реализации различных планов адаптации российской экономики к условиям ВТО.

На следующей неделе в правительстве будет рассмотрен очередной, обновленный вариант этого плана, поскольку некоторые пункты мы закрываем, но появляются новые озабоченности, мы обсуждаем их с бизнесом, с министерствами и, соответственно, формализуем через необходимые документы. Но следует отметить, что в планах адаптации число мер, которые российские бизнес-предприятия хотели бы увидеть реализованными, оно достаточно небольшое, в основном они касаются обеспечения преференций при

государственных закупках, повышения пошлин на отдельные товары. У нас, после присоединения к ВТО, остаются возможности в отношении примерно трех тысяч линий пошлины единого таможенного тарифа повысить. Многие предприятия работают с нами по изменению формата субсидий, поскольку ВТО не запрещает субсидии, но предъявляет определенные требования к формату, и поэтому все программы действующей поддержки будут сохранены, но некоторые из них в измененной форме.

И, наконец, идет работа, связанная с упрощением формальностей и поддержкой экспорта. Мы теперь активно занимаемся этой темой, и вместе с теми правами, которые мы получаем по ВТО, я думаю, что это даст тоже позитивный среднесрочный эффект для нашей промышленности. Вместе с тем, или параллельно с этой программой, ведется мониторинг влияния ВТО на экономику России. Он ведется по двум направлениям, и самое главное – прикладное – мы смотрим в постоянном режиме, что происходит с ввозом чувствительных товаров. Этот список чувствительных товаров был определен вместе с бизнесами. Мы сейчас тоже можем констатировать, что никаких изменений пока не произошло. В том случае, если рост будет подтвержден, и он будет наносить ущерб соответствующей отрасли промышленности, мы сможем применять меры защиты рынка, и мы сейчас много об этом говорим с российским бизнесом, объясняем, как ими пользоваться.

Меры, разрешенные ВТО, которые находятся в управлении и в российской экономической комиссии Таможенного союза, это та палочка-выручалочка, которой пользовались все, без исключения, присоединяющиеся страны. Возможно, придется их использовать нам, в случае, если импорт после присоединения будет наносить ущерб соответствующим отраслям. По просьбе российского бизнеса мы внесли в Евразийскую экономическую комиссию предложения о совершенствовании законодательства в сфере защитных мер. Если эти предложения будут приняты, мы надеемся на это, то мы сможем получить результат быстрее, намного быстрее, чем сейчас, и, скажем, более предсказуемо, поскольку действующее законодательство Таможенного союза по некоторым моментам не соответствует законодательству других стран, которые научились эти меры применять более эффективно. Но, я думаю, что научимся и мы.

Второе крупное направление работы, которым мы сейчас занимаемся, – это работа уже по обеспечению участия России в ВТО. Я вам приведу две цифры. В год в ВТО проходит 5000 переговорных заседаний. И речь идет о применении 70 000 страниц правовых обязательств. Это огромный массив работы, огромный массив информации. Мы с этим давно начали разбираться, но тот прогноз, который нам делали некоторые члены ВТО, что «вам будет трудно

присоединяться к ВТО, но когда вы присоединитесь, вам будет намного труднее», он, похоже, сбывается. Во всем этом нужно разобраться. Сейчас наши представители в Женеве, они там каждую неделю в разных заседаниях участвуют. Они говорят, что это похоже на невесту на выданье: к ним подходят разные страны, предлагают дружить в отношении различных инициатив. Эти инициативы очень часто друг другу противоречат, но наша позиция в ближайшее время будет нейтральная. Мы должны окончательно понять «плюсы» и «минусы», и наши конкретные экономические интересы в работе по отдельным направлениям ВТО.

И здесь нам не обойтись без помощи бизнеса, потому что ВТО – это организация, которая ориентирована на интересы бизнеса. Мы сейчас продолжаем налаживание бизнес-диалога совершенно в разных форматах и с разными ассоциациями по объединению бизнеса в России. Вот, базовые варианты, которые перед нами стоят, варианты развязок: должна ли Россия поддерживать в ВТО страны Кернской группы, которые выступают за радикальное сокращение сельскохозяйственных субсидий, либо Россия должна поддерживать страны США, ЕС, которые выступают за сохранение сельскохозяйственных субсидий?

Очень трудный вопрос на самом деле, и ответ на него во многом зависит от нашей долгосрочной политики в сельскохозяйственной сфере, прогнозов нашего бюджета, естественно, тех прав, которые мы получили в результате присоединения к ВТО. А какой вариант в долгосрочном плане нам более выгоден? Другой пример – переговоры, которые ведутся сейчас в Женеве, и они недалеко от завершения, связанные с облегчением процедур торговли. И там тоже есть две разные позиции. Позиции развитых стран, которые направлены на радикальное снижение таможенных формальностей и радикальное облегчение всего, что связано с экспортными операциями, и позиции развивающихся стран, которые, скажем, к этому относятся сдержанно. Нам нужно тоже определяться. У нас есть примерно в резерве 2-3 месяца до того как нам предложат уже сказать свое слово, высказать свои предпочтения, и поэтому мы очень рассчитываем, что в эти месяцы вместе с вами мы найдем правильный ответ на эти вопросы. Спасибо большое.

ПРИМАКОВ Е.М.:

Спасибо, Максим Юрьевич. Слово предоставляется Сергею Юрьевичу Глазьеву, советнику Президента России, академику РАН. Подготовиться Владимиру Юрьевичу Саламатову.

ГЛАЗЬЕВ Сергей Юрьевич, Советник Президента РФ, академик РАН

Спасибо большое, Евгений Максимович. Я бы хотел, уважаемые коллеги, обратить внимание на некоторые обстоятельства, которые, в общем-то, достаточно хорошо известны, но, с моей точки зрения, недооцениваются в контексте наших дискуссий и обсуждений последствий присоединения России к ВТО и возможных мер по поддержке конкурентоспособности нашей экономики. Понятно, что ВТО – это системное решение, которое не предполагает дороги назад. Дорога будет идти только в сторону дальнейшего сужения возможностей традиционных методов поддержки конкурентоспособности, которые наше правительство освоило за последние годы. Это касается и таможенного тарифа, и государственных закупок, и субсидий, включая субсидирование процентных ставок, и ветеринарного контроля, и многих других вещей. Я говорю, что ситуация по возможностям использования этих инструментов будет ухудшаться, потому что у нас не за горами присоединение Казахстана, который вел переговоры с ВТО с более либеральных позиций. Мы обсуждаем планы присоединения Киргизии, которая зафиксировала совсем либеральный режим. То есть мы должны понимать, что тенденция будет дальше идти на сужение этих возможностей.

Из этого можно сделать только один вывод – что нам нужно искать возможности поддержки конкурентоспособности нашей экономики больше за пределами ВТО, в тех сферах регулирования, на которые ВТО не распространяется. Это, прежде всего, работа через банки развития и институты развития более широко, это денежно-кредитная политика, и особенно политика рефинансирования и политика процентных ставок, это обменный курс, это финансирование

НИОКРов, это в значительной части техническое регулирование и так далее.

Весь мир сегодня перешел на активнейшее использование этих инструментов. Обращу внимание только на кредитный демпинг, чудовищный кредитный демпинг, который перерос просто в финансовый апартеид, можно сказать, когда у нас появилась группа стран-эмитентов резервных валют, которые сняли все количественные ограничения на денежную эмиссию, эмитируют свою валюту по отрицательной процентной ставке, в то время как наш Центральный банк вернулся на старую стезю монетарной политики, эмитируя рубли только под прирост иностранной валюты, следствием чего, как мы хорошо знаем по нашей современной истории, является недоразвитость нашей банковской системы, отсутствие «длинных» денег в экономике, переход наших лучших заемщиков на кредитование за рубежом, весь тот букет, связанный с отсутствием возможности получения кредита, который мы наблюдали в докризисный период.

Ситуация, когда европейский Центральный банк мановением руки вливает в экономику триллион евро, а мы 10 лет экспортируем нефть, чтобы этот триллион евро заработать, понятно, что в этой финансовой борьбе на кредитном рынке мы несем чудовищные потери. По нашим оценкам, ежегодный трансфер, который российская экономика делает в финансовую пользу стран-эмитентов резервных валют, составляет 80 миллиардов долларов. 80 миллиардов в год мы просто дарим из-за неэквивалентного внешнеэкономического обмена по денежно-кредитным инструментам.

Ясно, что у нас получается двойной удар по промышленности – ВТО, которое ухудшило ценовую конкурентоспособность, и дальше будет это ухудшение продолжаться, и денежно-кредитная политика, которая используется как механизм компенсации и поддержки конкурентоспособности, у нас действует наоборот – она снижает конкурентоспособность нашей экономики. Поэтому я здесь не буду подробно об этом говорить.

Мы многократно обсуждали на «Меркурий-клубе» эти проблемы, но их актуальность просто резко возросла в связи с присоединением России к ВТО. То есть нам необходимо добиваться, чтобы наши денежные власти перешли, наконец, на механизм рефинансирования, использование не годовых и однодневных кредитов, а на 3-5-летние кредиты по рефинансированию коммерческих банков под спрос на деньги со стороны производственных предприятий. Это важнейший момент – что деньги должны эмитироваться не просто так, а под обязательства предприятий реального сектора. Нам необходимо на порядок поднимать мощность институтов развития, и финансировать институты развития не только за счет бюджета, возможности которого

ограничены, но также за счет привлечения механизмов рефинансирования со стороны Центрального банка. Понятно, что это непростые инструменты, что опять есть риски перетока денег на валютный рынок, как это было в период кризиса, поэтому необходимо расширение инструментов нормативного регулирования банковской системы. И не только банковской системы, мы должны ограничивать leverage и для предприятий, которые иногда, как мы помним по кризису неплатежей, становились квазибанками, получая дешевые деньги. То есть необходимо, с одной стороны, расширять приток дешевых денег, причем энергично, но в то же время очень сильно совершенствовать нормативную систему таким образом, чтобы деньги не перетекали на сферу валютных спекуляций и в сооружение финансовых пирамид.

Возможно, потребуются меры и по деоффшоризации нашей экономики, потому что если мы хотим большое количество длинных кредитных ресурсов, под них нужны залого. Залого со стороны оффшорных компаний – это не лучший вариант с точки зрения надежности нашей денежной системы.

И, конечно же, необходимо активизировать политику развития, о которой мы тоже многократно говорили. Здесь есть продвижение, мы надеемся, что в октябре мы, наконец, начнем процедуру принятия закона «О стратегическом управлении», как он сейчас называется, который свяжет воедино весь процесс целеполагания и программирования со стороны правительства, и через денежно-кредитную политику вовлечет в этот процесс, я надеюсь, и Центральный банк.

Разумеется, мы в этой ситуации тоже должны, как мне кажется, очень тщательно отслеживать бюджетную политику, о чем здесь уже говорилось. Бюджет, к сожалению, тоже сегодня, в связи с принятием бюджетного правила и с очень высокими нормативами резервирования денег в иностранной валюте, в дополнение к валютным резервам Центрального банка, в реальности становится в определенной степени тормозом экономического развития. Я согласен с выступавшим коллегой из Государственной Думы, который обратил внимание на то, что складывается абсурдная ситуация, когда нефтедоллары, которые бюджет получает, закачиваются за границу, при том, что мы имеем уже избыточные валютные резервы.

А резерв у правительства есть, по макроэкономическому смыслу, ни что иное, как просто часть общего резерва страны. И здесь его наращивание в никакой степени надежности нам не прибавляет. И в то же время, создается искусственный дефицит бюджета. То есть он реально профицитный, но из-за бюджетного правила становится дефицитным, из-за чего правительство начинает занимать деньги на рынке, по сути дела, изымая и без того ограниченные кредитные

ресурсы для поддержки инвестиционной активности и поддержки конкурентоспособности экономики. То есть политика, когда мы свои «дешевые» деньги отдаем за границу, а сами занимаем «дорогие» деньги, в конечном счете и привела к тому, что мы 80 миллиардов долларов теряем каждый год.

Если мы все это сбалансируем, и резервный фонд направим на кредитование институтов развития, на долгосрочные инвестиции, то мы как раз и решим ту задачу, о которой говорит Владимир Владимирович Путин постоянно, о том, что необходимо кардинально поднимать нормы накопления до 35% ВВП, что является просто императивом в условиях нынешнего структурного кризиса. У нас есть этот ресурс, но для того чтобы его задействовать, нужно менять политику в тех направлениях, о которых я сказал. И я поддерживаю все предыдущие выступления. Спасибо.

ПРИМАКОВ Е.М.:

Спасибо, Сергей Юрьевич. Слово предоставляется Владимиру Юрьевичу Саламатову, генеральному директору ОАО «ЦМТ», доктору экономических наук. Подготовиться Росляку Юрию Васильевичу.

САЛАМАТОВ Владимир Юрьевич, генеральный директор ОАО «ЦМТ», д.э.н.:

Уважаемый Евгений Максимович, уважаемые коллеги. Конечно, три даты, которые шли одна за другой – 16 декабря 2011 года, 21 июля 2012 года и 23 августа этого же года весьма существенны с точки зрения вступления России во Всемирную торговую организацию. Я здесь согласен с Максимом Юрьевичем Медведковым, что мы все эти даты отмечали, но реально пока ни бизнес, ни мы не ощутили тех изменений, которые произошли. И, более того, мы делали соответствующий опрос, что бизнес в основном воспринимает вступление в ВТО как открытие, в значительной степени, ворот,

снижение тарифных ставок, и, тем самым, возникает дополнительная нагрузка на бизнес. При этом нужно сказать, что правительство Российской Федерации весьма существенно использует инструменты Всемирной торговой организации для практической, если хотите, защиты бизнеса в этот период. Особенно это касается первых семи лет, которые во Всемирной торговой организации определены как время переходного периода. Хотя по многим отраслям мы прекрасно понимаем, что это сроки значительно более короткие – год, полтора, три года, пять и так далее.

И здесь следует сказать, что, конечно, бизнесу очень важно иметь прямой контакт и с правительством, и иметь контакт между собой, поэтому 24 июля 2012 года Центр международной торговли по инициативе Торгово-промышленной палаты создал у себя Центр России в ВТО. Прошло четыре месяца с той поры, ежедневно мы видим обращение нескольких сот человек к нашему сайту. Более того, так как в России существует несколько информационных ресурсов, помимо нашего, – это ресурс www.wto.ru и ресурс Министерства экономического развития, поэтому мы пришли к такой ситуации и понимаю, что все эти ресурсы должны быть связаны между собой, что и произошло, и одновременно наш ресурс имеет очень тесный интерфейс с большим количеством отраслевых ассоциаций бизнеса. Что же мы делаем в этом центре? Мы уже провели несколько серьезных мероприятий, где встречались с бизнесом, встречались с представителями Евразийской экономической комиссии, представителями российских федеральных органов исполнительной власти.

И два момента, которые я хотел бы сейчас отметить, как очень важные. Это первый момент, который касается проведения 12 декабря этого года, здесь, в Москве, силами Центра международной торговли, с партнерами, под руководством федеральных органов исполнительной власти, встречи с представителями Министерства коммерции и ассоциации по содействию адаптации китайского бизнеса к условиям членства в ВТО как пример очень системной работы, и как обзор опыта, который китайская сторона нашла по отдельным отраслям, и, в целом, по системным мерам, которые привели к росту экспорта за 11 лет членства в ВТО в семь раз.

Второе – мы обсудили с Министерством экономического развития, и уже нам известно решение министра экономики, господина Белоусова, о том, что Максим Юрьевич Медведков, его департамент сегодня является ключевым по координации всех усилий учебных заведений, и в то же время усилий Центра международной торговли по образовательным программам. И уже с 1 ноября мы открываем такие программы для бизнеса, а с 15 ноября – для региональной власти, что является очень важным. Я скажу почему –

по той причине, что все меры защиты, которые действуют, они непосредственно связаны с реакцией бизнеса на происходящие изменения в связи с вступлением в ВТО.

На сегодняшний момент наша Евразийская экономическая комиссия, а до этого Таможенный союз, приняли целый ряд антидемпинговых и специальных защитных мер по отдельным видам продукции, которые позволяют препятствовать импорту в Россию отдельных видов товара в связи с искажением конкурентных условий на нашем рынке. Но нужно сказать следующее, что есть опасность, потому что 616-ым параграфом доклада рабочей группы по присоединению России в ВТО сегодня любая из стран членов Всемирной торговой организации имеет право возбудить ходатайство о пересмотре тех мер, которые приняты в отношении товаров, которые поступают из других стран.

В то же время, есть и вторая часть угрозы. Сегодня в отношении продукции российского производства действуют 73 меры в различных странах мира. Это следует из материалов, которые представлены по данным Минэкономразвития Российской Федерации на слайде. И, более того, к этим мерам нужно добавить еще 47 мер, которые действуют в отношении продукции, производимой на территории Беларуси и республики Казахстан. Понятно, что эта ситуация должна сопровождаться весьма активной позицией Евразийской экономической комиссии, которая сегодня от имени трех стран представляет интересы Российской Федерации. И здесь действует система урегулирования споров. Здесь я хотел бы сказать, что, конечно, этот инструмент весьма эффективный, но в то же время его применение весьма непростое, потому что, смотрите: вот предметы споров ВТО, которые существуют.

Для того чтобы достичь реального результата, необходимо будет пройти (я чуть позже об этом скажу) весьма серьезные процедуры. И поэтому наиболее эффективным является достижение договоренности по устранению препятствий для торговли путем переговоров. Действительно, это невозможно сделать одной России или Таможенному союзу. Необходимо будет вступать в весьма серьезные коалиции. И тому есть свидетельство эффективности этой меры, потому что 50% торговых споров, которые возникают в рамках Всемирной торговой организации, разрешаются до момента обращения и начала официальных разбирательств в органах Всемирной торговой организации.

И, наверное, крайний слайд, он очень важен, потому что все инструменты ВТО, они, конечно, очень действенны, но они имеют целый ряд весьма серьезных особенностей. Во-первых, все эти споры не решаются быстро, они решаются, как правило, в течение двух-трех лет. Это нам выгодно, когда обращение идет в адрес тех мер, которые

мы приняли, и мы понимаем, что даже если эта мера не соответствует требованиям ВТО, мы имеем определенный период на разбирательство в рамках торговой организации. В то же время, нет никаких механизмов: если меры приняты по отношению к нам, или вводятся, мы не можем остановить или приостановить вступление этой силы до окончания разбирательства в институтах Всемирной торговой организации.

Более того, мы четко ощущаем, что сегодняшние инструменты Всемирной торговой организации весьма сложны в реализации, требуют много времени, а с учетом происходящего кризиса, и, возможно, и второй волны кризиса, конечно, нужно было бы давать странам, экономикам, которые входят в ВТО, дополнительные протекционистские меры, которые позволили бы защитить отечественного производителя. И хотя Российская Федерация с такой инициативой выступила в рамках двадцатки, не получили поддержку, я думаю, что, наверное, Таможенный союз должен все-таки на этих мерах настаивать и продолжать их отстаивать. Спасибо.

ПРИМАКОВ Е.М.:

Спасибо вам большое. Слово предоставляется Юрий Витальевичу Росляку, заместителю председателя Комитета экономической политики Совета Федерации. Подготовиться Давиду Михайловичу Якобашвили.

РОСЛЯК Юрий Витальевич, председателя Комитета экономической политики Совета Федерации:

Спасибо, уважаемый Евгений Максимович. Уважаемые участники сегодняшнего форума. Я не буду повторять мысль о том, что вступление в ВТО для Российской Федерации – это объективная реальность, потому что Российская Федерация фактически перешла к рыночным отношениям и стала работать в открытых рыночных условиях уже почти 20 лет тому назад, но при этом мы работали по ущербным правилам, и восстановить единое правило – это необходимость, которую нужно было завершить. Достаточно большая

работа была проведена за эти 17 с лишним лет подготовки вступления в ВТО. Но проблематика, которая возникла в нашей экономической системе, в наших отраслях промышленности, в агропромышленном комплексе – она не зависит от того, вступили мы в ВТО, или нет. Она объективно уже на сегодня сложилась. И целый ряд негативных проблем и процессов, в том числе, негативных проблем с самим бюджетом Российской Федерации, или в целом России (если мы говорим о консолидированном бюджете), они уже состоялись, и во многом, в условиях вхождения де-факто в ВТО, нам необходимо устранить те препятствия, часть из которых уже сегодня здесь прозвучала.

Проблематика осталась прежней, и для того чтобы преодолеть те негативные процессы, которые сложились в отдельных отраслях, в отдельных направлениях нашей экономической системы, нужна система целенаправленных действий. Мы много говорим о том, что сегодня говорить надо не о модернизации нашей экономики, а с подачи (и я абсолютно солидарен с этой оценкой нашего председателя), нам нужно заниматься реиндустриализацией нашей экономики по тем областям, которые являются для нас главными, приоритетными, и которые должны быть элементами национальной промышленной политики. И в связи с этим мы еще раз ставим вопрос о необходимости разработки такого федерального закона, который бы определил как раз порядок работы в промышленной сфере, определил бы порядок подготовки и формирования приоритетных направлений промышленности. Многие из них уже обозначены, а закрепить их на законодательном уровне и обязать все министерства и ведомства работать в соответствии с обозначенными законодательными приоритетами – это, наверное, одна из первых задач, которые сегодня необходимо решать.

Следующая тема. Я хочу, присоединившись к тем оценкам, которые давал Сергей Юрьевич, вместе с тем, немножко его поправить, потому что законопроект, все-таки... принято решение выпустить в его первоначальные редакции. Речь идет о законе «О стратегическом планировании». Это крайне важный документ для Российской Федерации, который даст возможность определять цели нашего развития, самое главное – формировать нормальные балансы по целому ряду моментов, о которых мы забыли, для того чтобы создавать и стимулы, и направления развития экономической системы. Не бюджет, и не закон «О бюджете» должен быть главным и определяющим, а должны быть меры, которые должны быть предусмотрены стратегическими программами, прогнозами, и разработанными под них целевыми программами для того, чтобы наполнять этот бюджет в том уровне, который необходим для сбалансированного развития в целом экономической системы, и

выполнения тех социальных обязательств, которые есть и будут еще у государства.

Именно через эту работу, через создание систем и стимулов, с одной стороны, проведения госполитики в тех областях и отраслях, которые являются национальными, стратегическими и наиболее важными, и определение для бизнеса тех уровней промышленного производства, агропромышленного производства, которые нужны в целом для народно-хозяйственного комплекса, и должны найти отражение в этом законе, а в последующем – и в той цикличности разработки прогнозов, которые этим законопроектом на сегодня предусмотрены.

Именно там же должны быть и прописаны меры государственной поддержки и стимулирования и кредитно-финансовой, и бюджетной политики, и протекционизм, который мы будем проявлять (и должны будем в рамках действующих уже правил ВТО) по целому ряду наших отраслей, которые сегодня есть. И здесь не надо забывать о том, что государственный заказ – как раз один из таких механизмов, которые по нашим условиям присоединения сохранен для того, чтобы иметь возможность, в том числе, защищать по ряду областей нашего отечественного производителя и давать ему приоритет при размещении заказа.

И я хочу дополнить еще Игоря Николаевича по этим оценкам в сегодняшних даже ценах. Это не шесть триллионов рублей, это порядка 13-15, с учетом тех заказов, которые делает еще унитарная система и наша государственная корпорация. Я не буду повторять тезиса, который прозвучал, но я считаю его крайне важным – это создание нормальных условий для расширения инвестиционной деятельности и предоставления возможности нашим предприятиям, организациям пользоваться на равных условиях, с условиями, на которых работают основные члены ВТО, инвестиционными ресурсами и кредитами для своей, в том числе, повседневной деятельности. Нам как воздух необходимо также развитие полноценных инструментов финансового и фондового рынка, вовлечение собственных ресурсов и резервов, которые нами накоплены, в хозяйственный оборот, в том числе через соответствующее представление этих ресурсов тем, кто нуждается в инвестиционном развитии.

Что на сегодня делает Совет Федерации? Нами, после ратификации договора о вступлении, одновременно было принято решение о создании временной, но, вместе с тем, постоянно действующей комиссии по контролю и мониторингу состояния экономической системы в связи с вступлением ВТО, и в условиях работы Таможенного союза. Мы проводим временное заседание на территориях, потому что не только предприятия, моногорода, а в целом регионы находятся в достаточно высокой степени риска, и один

из таких примеров – это наше заседание, которое мы провели в Иваново.

Бессмысленно заниматься поддержками, субсидиями нашей текстильной отрасли, которая вынуждена на открытом рынке приобретать сырье. Своего собственного хлопка, своей собственной качественной шерсти пока в Российской Федерации нет, да и в ближайшем будущем не появится. Но, вместе с тем, нужно создать соответствующий комбинат, который бы позволял производить синтетическое волокно, а синтетическое волокно сегодня применяется во многих технических областях, во многих видах промышленной деятельности, и мы это синтетическое волокно закупаем сегодня по импорту.

У нас есть все основания для того чтобы создать надлежащего уровня по мощности комбинат, который, в том числе, загрузит текстильные мощности, которые существуют в Иваново. То есть создание технологического текстильного кластера на конкурентных условиях, на тех условиях, которые дает нам наша собственная сырьевая база, – это задача, которую необходимо решать, и не только в Иваново, как в одном из представителей монопромышленности, но и в целом ряде других отраслей.

Следующая наша рабочая группа состоится 23 октября в Самаре, где тоже существует много проблем, где тоже будут рассмотрены те меры, которые сегодня предпринимаются. Но самое главное, должны быть отработаны те меры, которые нужно принять завтра для того, чтобы поддержать и нашу отечественную авиационную, космическую отрасль и технологии, которые, в том числе, готовы к созданию в этом новом технологическом кластере, на новой технологической платформе.

Еще одну тему, конечно, хотелось бы обозначить – это система подготовки наших менеджеров к работе в условиях ВТО. Вот в этой части, я думаю, что мы безнадежно отстали и нам нужно наверстывать упущенное. И то, что сегодня делает Торгово-промышленная палата, это абсолютно своевременно, потому что учить работать по правилам ВТО придется фактически всю страну – и государственных управленцев, и тех, кто является руководителем бизнеса, потому что те примеры о долгосрочности рассмотрения споров, о возможности возникновения споров, о санкциях, которые могут возникнуть по правилам ВТО, и, самое главное, о том, что мы сами можем предпринимать для того, чтобы защищать свой экспортный потенциал, – это все предстоит еще изучить надлежащим образом, и научиться работать в этих условиях.

Поэтому я думаю, что такого рода обсуждение, которое проводится сегодня (а таких обсуждений было уже много), должно дать возможность нам отработать программу совместных действий, в

том числе действий, которые должны быть проведены на законодательном уровне, предприняты правительством, министерствами и ведомствами, совместно сделаны предпринимательским сообществом. Я думаю, что это очень полезно, и нам необходимо этим инструментом активно пользоваться. Время и, самое главное, объективная потребность принятия этих достаточно радикальных мер на сегодня у нас есть.

ПРИМАКОВ Е.М.:

Спасибо, Юрий Васильевич. Слово предоставляется Давиду Михайловичу Якобашвили, члену Бюро Правления РСПП, председателю Совета директоров корпорации «Биоэнергия». Подготовиться Мурга Андрею Юрьевичу.

ЯКОБАШВИЛИ Давид Михайлович, член Бюро Правления РСПП, председатель Совета директоров корпорации «Биоэнергия»

Спасибо большое, Евгений Максимович. Уважаемые коллеги, очень интересно сегодня было услышать то, что говорится. Конечно, я поддерживаю всех выступающих. Хотел бы, со своей стороны, добавить и обратить внимание на то, что членство в ВТО, как сказал Владимир Владимирович, открывает возможность цивилизованно и в правовом поле отстаивать наши интересы. Это первое. И вступление в ВТО – это важнейший шаг сегодня для всей страны. Конечно, есть проблемы в сельском хозяйстве, и эти проблемы такие. Говорилось о «длинных» деньгах. Мы платим 14%, 15%, порой до 20%, чтобы взять кредит. И как его взять, и с какими трудами и проблемами это связано? А чтобы потом получить возмещение, сколько надо судов пройти, все три инстанции, в обязательном порядке. И еще непонятно, как «заточены» суды и как они будут решать – возвращать вам деньги или нет.

Налоговая понимает, что вам надо вернуть, но все равно они дорожат своим местом, боятся, и подают опять-таки в суд. И все три инстанции надо проходить сотни и сотни раз. В моей компании не было ни одного дня, чтобы у нас было меньше судебных процессов, чем 100. 100 судебных процессов одновременно. Это затраты огромнейшие – и денежные, и моральные, и психологические, любые. Но вопреки этому, опять-таки, несовершенству нашей судебной системы, бюрократии, высокой коррупции. Опять-таки, Советский Союз не был самодостаточной страной по зерну. Мы стали, вопреки всему этому, самодостаточной страной по зерну, мы сегодня экспортируем достаточно большие объемы зерна. И будем экспортировать это, нам это нужно просто вопреки всем этим происходящим событиям. Знаете, вот как давится бедный фермер на полях – все равно это происходит.

Теперь, что касается молока. Я вернусь к молоку, потому что очень хорошо знаю эту тему. В Советском Союзе, опять-таки, мы были самодостаточной, где-то на 80-85% страной по молоку. Но мы питались и пользовались только сухим молоком, восстановленным, только потому, что не было возможности ни хранения, ни перевозки. Не было таких современных машин по охлаждению, по перевозке на дальние расстояния и так далее. Сегодня, я вам ответственно могу заявить, что порядка 80% всей молочной продукции выпускается из свежего молока, которое доставляется прямо с ферм, доставляется на заводы и производится мгновенно, в тот же самый момент, как это привозится. Это тоже большой шаг вперед. Опять-таки, вопреки многим вещам, которые были сделаны и делаются сегодня, у нас происходят сегодня и на нашем финансовом рынке, и в бюрократии, забюрократизированности, которая сегодня существует.

Огромные преимущества в том, что у нас сегодня есть газ и нефть. Если сегодня сравнить сланцевый газ и тот газ, который мы получаем. В Соединенных Штатах цена на месте, 75 долларов стоит сегодня газ, который получают они из Кувейта, и который продают населению, и в 200 долларов обходится тот же самый газ, но добытый из сланца.

Опять-таки, по мнению специалистов, понадобится еще шесть-семь, может быть, 10 лет, чтобы оптимизировать производство из сланца. И тогда цена сравнится. У нас есть определенный запас времени, чтобы максимально продать объемы того же газа, нефти, чтобы запастись определенными финансовыми объемами, для того чтобы финансировать всю остальную экономику. Это надо обязательно делать.

Дальше вопрос. Конечно, такие производства, как были созданы в Советском Союзе, сейчас создавать очень тяжело. Если взять тот же «Норильский никель», или, допустим, «Тольяттиазот». Аммиачную

промышленность, в свое время, поднимал Костандов, поддерживал его Косыгин. Сегодня цена на аммиак – 600 долларов. Конечно, какое сравнение – продавать просто газ, или продавать тот же самый аммиак, который идет по трубе. Доходность отличается в сотню раз. Но, к сожалению, это было создано тогда, не было создано в тех объемах, которые должны были быть. Конечно, если мы в свое время создавали бы эти производства, нам жилось бы намного лучше. Но сейчас момент того, что надо максимально продавать объемы того сырья, которое есть, и зарабатывать деньги.

Что касается всего остального, опять-таки, еще раз хочу повторить, что вступление в ВТО дает возможность для сельского хозяйства – это поддержка агрессивного экспорта, расширение мер «зеленой корзины» и содействие притоку инвестиций в сектор. А что нам удалось получить – это запрет на создание филиалов иностранных банков в России, разрешено создание только дочерних компаний. Потом шестилетний переходный период для автомобилестроения, длительный переходный период для выполнения тарифных обязательств по ряду товаров. По некоторым товарам предельные ставки пошлин вступают в силу только через семь или восемь лет после присоединения к ВТО. Это дает нам, опять-таки, время восстановиться, собраться и решить много-много проблем, которые стоят перед нами. Мы можем это сделать. Я закончу свое выступление так: Альберт Эйнштейн в свое время говорил, что «Вы никогда не сумеете решить возникшую проблему, если сохраните то же самое мышление и тот же подход, который привел вас к этой проблеме». Спасибо.

ПРИМАКОВ Е.М.:

Спасибо большое, Давид Михайлович. Слово предоставляется Андрею Юрьевичу Мурга, президенту ТПП Ставропольского края. Подготовиться Шмелеву Николаю Петровичу.

МУРГА Андрей Юрьевич, президент ТПП Ставропольского края

Спасибо, Евгений Максимович. Сегодня, наверное, вопрос вступления в ВТО, плюс или минус, наверное, уже не стоит – мы уже в ВТО. Я бы выделил, наверное, политический аспект вступления в ВТО. Закон прошел ратификацию, прошел через Госдуму, активно обсуждался, использовался активно оппозиционными партиями для того чтобы, наверное, напугать население страны.

Население, наверное, нет смысла пугать, но я присоединился к ним. В том смысле, что все-таки есть смысл напугать наше правительство через вступление в ВТО, поскольку оно, реализуя развитие нашего предпринимательства на постсоветском пространстве, наверное, одни из самых заметных мер по поддержке собственного предпринимательства приняли благодаря кризису 2008 года. В чем мы ему и благодарны. Годами выпрашивали какие-то льготы, меры поддержки, повернуться к малому и среднему бизнесу...

Кризис быстро все поставил на свои места и законы принимались почти молниеносно. Может быть, в результате вступления в ВТО правительство заработает и направит свой взор все-таки на развитие предпринимательства.

Если мы не вступим в ВТО, у нас эффективно не заработает сельское хозяйство - количество экспорта продуктов, которые мы ввозим сегодня в страну, уже давно зашкаливает за все допустимые нормы. У нас не появится своя ни авиационная промышленность, ни автомобильная, к сожалению, если мы не вступим в ВТО.

ПРИМАКОВ Е.М.:

Мы уже вступили.

МУРГА А.Ю.:

...Тем быстрее начнут меняться изменения внутри нашего предпринимательства. Я бы рассматривал это как бойцовский ринг. С одной стороны – профессионал-боец, а с другой стороны – новичок, который вышел туда. Только ему еще завязали глаза или связали руки. Почему, наверное, так рассматриваем? Потому что государство, которое в ВТО уже давно, уже десятки лет работает в механизме поддержки, и работает очень эффективно. Мы сотрудничаем, наверное, со многими представителями, кто представляет здесь и помогает продвигать европейскую продукцию на российских рынках. Мы смотрим, как итальянцы это делают высокопрофессионально и эффективно, и смотрим, как, к сожалению, мы только барахтаемся в этом.

Много говорили, что надо сделать, чтобы государство более эффективно реагировало и защищало собственный бизнес, но даже такое простое, как подготовка кадров - проблема для российского бизнеса. А подготовка профессиональных юристов для предприятий,

или для того, чтобы мы могли в судах ВТО, чтобы отстаивать наших производителей, еще и не началась. Хотя Евгений Максимович совершенно прав, мы уже в ВТО.

Я могу привести пример, где идет государственная политика поддержки собственных производителей. Конечно, это Италия. Могу еще привести пример: когда у нас на Ставрополье был вице-консул американского посольства по вопросу снятия ограничения по допуску граждан Америки на Северный Кавказ, то за три дня пребывания видел, как эта женщина сделала запись в своем ежедневнике. Это только когда мы сказали о сумме недополученной выгоды с Соединенными Штатами, которую они могли бы поставить, используя оборудование в наш регион, если бы убрали ограничения по въезду граждан Америки на территорию Ставропольского края. Все остальное носило устный характер, и, наверное, меньше всего интересовало.

Я считаю, что основная задача, чтобы российский бизнес и государство поняло, что главное – это поддерживать российского производителя. Поскольку сегодня мы как мантру повторяем «привлечение инвестиций», такое ощущение, что мы хотим сделать у нас филиал иностранных компаний, и мы должны на их инвестиции всем населением страны работать. У нас огромный финансовый потенциал, о котором мы сегодня говорили, собственный потенциал для создания собственных инвестиций.

Мы сегодня не рассматриваем условия, что же надо сделать для того, чтобы собственные предприниматели реинвестировали в экономику и развивали производство, покупая на Западе технологии, но, получая добавочную прибыль, которую оставляли на территории Российской Федерации. Поэтому, конечно же, вступление в ВТО – это необходимая мера для более быстрого перехода Российской Федерации к рыночным условиям и к рыночной экономике. Спасибо.

ПРИМАКОВ Е.М.:

Спасибо. Слово предоставляется Николаю Петровичу Шмелеву, директору института Европы, академику РАН. Пожалуйста.

ШМЕЛЕВ Николай Петрович, директор института Европы, академик РАН

Мы обсуждаем сегодня поистине эпохальное событие, значение которого распространяется не на десятилетие, а на поколение. По сути дела, мы сами добровольно принуждаем себя к конкуренции и всякой модернизации. Купили себе кнут, как мы выдержим этот кнут – никто пока сказать ничего не может. Но если на короткий отрезок времени, плюсы от вступления – совершенно бесспорно, то, что мы респектабельны, будем участвовать во всех обсуждениях, это все понятно. В деньгах я нигде не встречал оценки выше, чем два, от силы – три миллиарда долларов в год – выгода страны от вступления в ВТО. А что мы теряем, какие издержки этого вступления, какие опасности нас предостерегают?

Прежде всего, я все-таки хотел бы напомнить, что мы с вами, ворвавшись наконец-то в ВТО, имеем за плечами. Половина уничтоженной промышленности Советского Союза, треть сельскохозяйственных площадей в запустении, более трети, по моему, процентов 40 крупного рогатого скота зарезано. Выдержит ли наше хозяйство? Я встречал в западной прессе такие профессиональные оценки: ну, вступит Россия в ВТО, ну, закроют 90% ее промышленности, которая не выдержит этой конкуренции. Может быть, это, конечно, преувеличение, но уже здесь говорили о том, что и сельскому хозяйству будет очень трудно, и легкой промышленности будет трудно, и многим машиностроительным отраслям будет очень трудно. Выдержат, нет? – кто его знает, честно говоря.

Какие средства защиты у нас есть? Искусство Максима Юрьевича Медведкова, о котором он докладывал, – это наше искусство и упрямство переговорщиков. И действительно, семь-девять лет мы себе отбили, и отбили целый банковский страховой блок. Это эффективное оружие, но не до конца надежное. А из легальных средств защиты, если смотреть правде в глаза, средств, когда мы не нарушаем ни дух, ни букву соглашения ВТО. Мы можем препираться в каких-то рамках, но действуем в соответствии с тем, под чем подписались.

Я сейчас скажу ересь, но я об этом много думал – а почему мы так боимся обсудить единственное легальное средство защиты от принудительной конкуренции, разрушительной, но в то же время ободряющей, конечно, в перспективе где-то? Единственное легальное средство защиты – это девальвация рубля. Китай и Индия – не глупее нас, умнее нас намного. Когда они искусственно и рупию, и юань держали, в два раза и больше, искусственно курс занижали. И даже сейчас между США и Китаем бодаются чуть не на жизнь, а на смерть из-за того, чтобы заставить Китай поднять курс своего юаня.

Конечно, это будет больно, но все будет больно. Это была бы загородка, за которой, по крайней мере, мясная отрасль бы у нас выжила. И хотя и тут очень много советов, типа Иванова переключить

на синтетику и так далее, ну, господи, ну, хоть чулки-носки, вообще-то, можем сами делать или не можем? А то ведь и это задушат. Иногда аргумент такой выдвигают, что, мол, я ломлюсь в открытые двери, что у нас и так рубль искусственно завышен, а не занижен.

Я полностью с этим не согласен. С какой стати мы считаем, что он у нас искусственно занижен сейчас? Ну, все на свете. Все же ездили, все же были, видели. Что вообще в нашей стране дешевле, чем на мировых рынках? Была водка, да и водка уже не дешевле. Вот сейчас сигареты поднимут. А все, больше ничего нет. Деньги? Так у нас деньги – 20% годовых, 18%, а там 1%. С чего это убеждение сложилось, что у нас искусственно заниженный курс? Я не очень могу с этим согласиться.

И заканчивая: конечно, колоссальную мы себе задачу поставили. И все то, о чем говорили сегодня – и инвестиции, и эта нелепость, сотни миллиардов держать из 1%, а занимать из 6-7% – необъяснимо ничем, никакой логикой не объяснимо, кроме чьих-то там предпочтений. И все инновационные меры, и искусственное субсидирование банковского процента, понимаете, все же тоже был бы стимул – все это правильно, все это необходимо. Экономическая стратегия по всем направлениям здесь имеет отношение к обсуждаемому нами вопросу. Но все-таки надо исходить из того, что Китай-то перед тем, как вступить в ВТО, разговаривал-разговаривал, а за 15 лет он Америку завалил своей продукцией, и Европу завалил.

ПРИМАКОВ Е.М.:

Не перед этим. Не перед этим, а находясь в ВТО. Это разные вещи.

ШМЕЛЕВ Н.П.:

Евгений Максимович, не могу со всем согласиться. Готовить...

ПРИМАКОВ Е.М.:

11 лет Китай в ВТО последние. Вот тогда он и завалил.

ШМЕЛЕВ Н.П.:

Я знаю. Знаю. А перед этим он развернул такое экспортное наступление, что, в конце концов, согласился: надо же чем-то и заплатить за то, что тебя пускают на всю Америку, на всю Европу. Вот готовы ли мы к тем задачам, которые ставим? Вот тут и начинается чесание в затылке. Спасибо за внимание.

ПРИМАКОВ Е.М.:

Спасибо, Николай Петрович. Слово предоставляется Андрею Николаевичу Спартаку, директору «Всесоюзного научно-

исследовательского конъюнктурного института», члену-корреспонденту РАН. Подготовиться Шафранику Юрию Константиновичу.

СПАРТАК Андрей Николаевич, директор «Всесоюзного научно-исследовательского конъюнктурного института», член-корреспондент РАН.

Спасибо большое, Евгений Максимович. Я хочу остановиться на нескольких моментах. Первое – это то, что, безусловно, присоединение России к ВТО повышает уровень рисков для российской экономики. У нас много других рисков, в том числе внешних рисков, связанных со структурой нашего экспорта, с тем, что наше благосостояние во многом зависит на сегодняшний день от конъюнктуры рынков, где мы являемся далеко не определяющим игроком, поскольку по стратегическим товарам, мы все знаем, сейчас решающим фактором является ситуация на финансовых рынках.

Добавились риски участия России в углублении интеграционных процессов в СНГ. И в этом плане, конечно, присоединение к ВТО заставляет задуматься о том, что нам нужна продуманная, взвешенная национальная стратегия по учету тех новых рисков, которые стоят перед нашей страной. Сейчас, я еще раз повторю, уровень этих рисков существенно возрос по всем направлениям. В отношении присоединения к ВТО, если образно охарактеризовать эту ситуацию, то это ситуация такого очень непосредственного бенчмаркинга российской власти, ее способности работать так, как работают другие, работать не хуже других, справляться с быстрыми изменениями ситуации.

То есть сейчас, как совершенно справедливо сказал Евгений Максимович, думать придется гораздо больше и гораздо серьезнее над тем, что ты делаешь. Но от этого уже сейчас никуда не уйти, просто такова реальность. Кроме того, вступление в ВТО требует нового качества взаимодействия государства и бизнеса. Об этом сейчас идет речь, и меры в этом направлении предпринимаются, и в том числе Торгово-промышленной палатой, но здесь еще предстоит большая работа тоже.

В отношении ВТО я думаю, что существуют четыре основных направления работы по линии ВТО, по крайней мере, наиболее крупных. Первое – это работа в самой организации (Максим Юрьевич об этом говорил), второе – это работа по защите рынка производителей, по адаптации наших отраслей к новым условиям деятельности в рамках ВТО. Третье направление – это использование преимуществ ВТО для усиления присутствия России на глобальном рынке. И четвертое направление работы – это подготовка кадров, потому что подготовка кадров нужна для того, чтобы обеспечить нормальное продвижение вперед по всем предыдущим направлениям работы.

Здесь сказано было уже очень много, и я хочу обратить внимание на ситуацию, в которой Россия оказывается, став членом ВТО, ведь мы представляем не только Россию (мы не можем уже только Россию представлять в ВТО) – мы представляем интересы наших партнеров по Таможенному союзу, пока они не вступили в ВТО. И здесь наверняка нам нужно будет предпринимать самые такие вот непосредственные действия и по нотификации Таможенного союза в органах ВТО, по обсуждению, по рассмотрению этого вопроса, по принятию соответствующих документов ВТО. И вообще России, видимо, придется выступать ответчиком от лица всего Таможенного союза по всем возможным ситуациям, которые будут возникать в ВТО: продвигать интересы наших партнеров, участвовать в рабочих группах по присоединению Казахстана и Беларуси. Причем это очень важная задача, очень, потому что сейчас, наряду с присоединением к ВТО, такой важный момент в развитии нашей интеграции, когда она реально вышла на наднациональный уровень, и ее надо поддерживать и поощрять.

И здесь, кстати, хочу сказать, возникает один серьезный момент. Мы часто говорим о том, что ВТО предоставляет большие возможности по использованию инструментария этой организации для защиты собственных интересов, иногда закрывая глаза даже на какие-то правила ВТО. Но вы знаете, у нас ситуация все-таки несколько другая, у нас ситуация – даже не ситуация Китая. Мы можем исхитриться и что-то придумать, что противоречит правилам ВТО, но это будет заметно.

И даже если это нельзя наказать с использованием стандартного инструментария ВТО, это очень помешает дальнейшему международному позиционированию нашей евразийской экономической интеграции, потому что конечная цель вступления России в ВТО (институциональная, по крайней мере) – это не только членство России в ВТО, но это и продвижение, вплоть до членства в ВТО других партнеров по Таможенному союзу, и легализация,

получение полной международной правосубъектности нашего интеграционного объединения.

Там целый ряд проблем, понятно, существует, но это задача серьезная, и поэтому нам действительно придется очень сильно думать, прежде чем мы решим нарушить какое-нибудь из установлений ВТО, иначе нашу интеграцию не будут серьезно воспринимать, мы долгое время вообще одни в ВТО останемся.

И еще один момент, последний, на который я хотел обратить внимание: я здесь представляю Комитет по содействию внешнеэкономической деятельности Торгово-промышленной палаты. Поскольку ВТО действительно открывает новые возможности по внедрению, освоению внешних рынков, нам очень важно добиться синергического эффекта действия различных инструментов.

С одной стороны, вступление в ВТО – это более хорошие условия доступа на внешние рынки, возможности более агрессивного отстаивания своих законных интересов на внешних рынках, но если мы, вступив в ВТО, получив эти преимущества, одновременно не будем целенаправленно работать по инструментам финансовой, организационной и прочей поддержки экспорта, по упрощению таможенных процедур (в данном случае, при экспорте), по упрощению процедур валютного экспортного контроля, по упрощению процедур возврата НДС, мы можем вот эту синергию не получить.

То есть здесь действительно очень важно, получив пока формальные преимущества в связи с вступлением в ВТО, превратить их постепенно в реальные, дополняя одновременным использованием всех этих инструментов, о которых я сказал. В принципе, в этом направлении работа идет, но важно, чтобы никакой элемент не выпал, иначе выпадение этого элемента будет обесценивать работу по всем другим направлениям. Поэтому разработка системы мер, которые бы дополняли друг друга и способствовали продвижению нашей продукции на внешние рынки в условиях членства ВТО, просто необходима.

Потому что пока у нас ситуация очень непростая. Мы действительно вступили в ВТО, в основном рассчитывая на будущие дивиденды. Вот мы только-только пересчитали: у нас только одно предприятие из 250 зарегистрированных является экспортером сегодня. Это очень низкий показатель, в Европе он на порядок выше – там до одной трети предприятий являются экспортерами в отдельных странах. У нас крайне низкая степень диверсификации экспорта, мы в последней пятерке стран мира.

Это означает то, что наш экспорт концентрируется на двух-трех позициях. Стартовая база очень низкая, поэтому – я просто еще раз повторю – нам очень важно при этой низкой стартовой базе слаженно

использовать те инструменты, которые мы можем использовать при нашей ограниченной конкурентоспособности, но, тем не менее, для получения преимуществ, связанных с обеспечением лучших условий доступа на внешние рынки, которые предоставляет ВТО.

И самое последнее, в отношении подготовки кадров: здесь работа все-таки ведется. Сейчас у нас подготовлены программы и на уровне бакалавриата, подготовки специалистов в области торговой политики, причем не в одном вузе, насколько я понимаю, а в нескольких, и на уровне магистратуры специальные программы готовятся. Другое дело, что специалистов, конечно, требуется очень много, потому что работа по ВТО – она многоаспектная. Но я думаю, вот с этой частью работы мы как раз справимся. Сложнее с конкурентоспособностью. Спасибо.

ПРИМАКОВ Е.М.:

Спасибо, Андрей Николаевич. Слово предоставляется Юрию Константиновичу Шафранику, председателю Совета Союза нефтегазопромышленников России, председателю Комитета ТПП по энергетической стратегии и развитию топливно-энергетического комплекса. Подготовиться Пискулову Юрию Васильевичу.

ШАФРАНИК Юрий Константинович, председатель Совета Союза нефтегазопромышленников России, председатель Комитета ТПП по энергетической стратегии и развитию топливно-энергетического комплекса

Спасибо, Евгений Максимович. Очень содержательный разговор, он затрагивает, конечно, каждого из нас, в том числе и меня, и я в процессе разговора уже отказался от многих аспектов, о которых хотел первоначально сказать, учитывая очень содержательные выступления и акценты, поставленные и Евгением Максимовичем, и то, что прозвучало у Глазьева, да у каждого. Я попробую тогда с ТЭКовской стороны, может быть, чуть-чуть осветить ситуацию у нас.

Для нефти и газа проблемы нет и не было. И поэтому у меня, сколько бы раз я ни участвовал в обсуждениях подобного рода за много лет, все равно сразу вызывает очень большое напряжение

тезис «Давайте защитим через ВТО экспортный потенциал». А он весь практически – нефть и газ, его и защищать не надо. Поэтому мне кажется, как мы иногда делаем: мы абсолютно неправильно ставим акцент, а потом делаем на этом неправильном акценте какие-то усилия. Если взять статистику (я могу ошибиться на несколько миллиардов) 2010 года, то из 400 с чем-то миллиардов экспорта 305 – это чисто нефть и газ, 45 – газ, все остальное – нефть. Из остальной части экспорта только 10 миллиардов долларов – это несырьевые товары: не металлы, не удобрения – несырьевые.

Поэтому, как только я из очень серьезных выступлений слышу: «Давайте использовать ВТО как защиту экспортного потенциала», – меня берет совершенная оторопь, потому что неправильный акцент. Как только цель поставлена неверно, усилия, естественно, могут быть бесплодными.

Второе, что бы я хотел затронуть, – это тема инвестиций. Тоже где только ни слышу: «В ВТО вступим – инвестиции добавятся». Поверьте мне, уже не как человеку, который занимается общественной частью деятельности, а как бизнесмену: мы отработали в 9 разных странах, с нуля делали проекты, и меня не интересовало ни в одной стране, в ВТО она или не в ВТО. Меня интересовали только условия по проекту. И спросите любого инвестора, который, действительно отвечая за деньги, вкладывал: его интересуют только условия проекта – естественно, макроэкономические, конкретные, разные, но уж никак не то, в ВТО она или не в ВТО, эта страна, куда он собирается идти. Поэтому я бы постарался добавить к нашей дискуссии вот эти два акцента.

Теперь то, что уже прозвучало. Какое слово ключевое я бы еще выделил? – конечно, конкуренция. Вот уже здесь звучало, я бы только попытался еще раз усилить: ВТО – это жестокая конкуренция, и мы внутренне все еще к ней не готовы, внутри себя. И я, может быть, еще отниму несколько минут, но вернусь, вероятно, к этому тезису как к выводу. Потому что это огромная тема, о которой можно говорить бесконечно, и выводы-то все будут, наверное, содержательные, важные, так, как вот уже прозвучало.

Но главная задача – уже вчерашняя, не сегодняшняя – это внутренние механизмы, наши, российские, чтобы конкуренция была (ее, в общем-то, нет) внутри нас самих, для самих себя. А как же мы действительно собираемся тогда конкурировать с теми странами, которые могут дать продукт этого же качества или лучшего, но, естественно, по ценам ниже российских? Поэтому главное слово – конкуренция.

Доступ к инфраструктуре – это внутренние наши вопросы, никакое не ВТО. Это нужно сдвинуть. Эффективность – возьмем с 2008 года по сегодняшний. Берем ТЭК, только ТЭК беру, наиболее

показательный. Голубые фишки, все около этого крутится. Только две компании за это время («Новотек» и «Сургут») нарастили капитализацию. У других компаний рос объем, падал объем, а капитализация все равно упала. Как упала в 2008 году, так она чуть выровнялась, и все. Это ярчайший показатель эффективности – так это в наиболее экспортном потенциале, в отраслях, которые наиболее приспособлены работать в условиях международной конкуренции. ТЭКовские компании – извините, они хорошо выглядят, они выглядят хорошо по конкурентности и по другим показателям, то есть не просто по какому-то валу.

А эффективность все равно не та, и рынок ее оценивает так, как оценивает. От рынка не уйдешь, плохой он, хороший, квазирынок наш, не квазирынок, а так оценка вполне полная. Если учесть еще, правда, что в «Сургуте» наличность реальная большая, и отнять ее, то тогда даже и «Сургут» по капитализации за эти годы не поднялся. Даже «Сургут». А если повернуть это все в другую сторону, то есть к другим отраслям, то, конечно, конкуренция – за многие годы мы почти не сдвинули внутренние наши вопросы, и второе – это эффективность.

И последний тоже пример яркий. Сланцевая революция, энергетическая революция, все журналисты только об этом и спрашивают. Я к революции отношу один факт, не этот. Это было давно, это готовилось, это было видно, что они это делают, и государство этому лет 20 способствовало в виде налоговых и иных преференций. Революция – это Техас. За 5 лет, не открыв Самотлоров, они в два раза увеличили добычу – это самый старый нефтяной район мира – и почти в три раза (2,7 раза) снизили внутреннюю цену на газ для промышленных предприятий. Вот это революция. Мы можем это сделать? Можем, ответственно заявляю. Но для этого нужно сработать внутри России.

Я завершаю тоже примером: кто-то здесь про бокс говорил – мне пришлось заниматься. Из нашей маленькой первой группы, человек из десяти, трое сразу, на первых соревнованиях попали под нокаут. Эти ребята не поднялись в боксе, все. На первом соревновании получил нокаут – отойди. Поэтому я за то, чтоб мы не ждали проблем и не хлопали опять себя по бедрам, а занялись вот этими вопросами, которые давно уже политическое руководство поставило. Их надо реализовывать. И защищать экспортный потенциал нефтегазовый не надо, он сам защищен. Спасибо за внимание.

ПРИМАКОВ Е.М.:

Ну, нокаута мы не допустим.

ШАФРАНИК Ю.К.:

Я-то надеюсь, я верю в себя. И, всегда с оптимизмом веря в себя, я считаю, что мы можем это сделать и обязаны.

ПРИМАКОВ Е.М.:

Слово имеет Пискулов Юрий Васильевич, главный редактор журнала «Международная экономика». Подготовиться Слепневу.

ПИСКУЛОВ Юрий Васильевич, главный редактор журнала «Международная экономика»

Спасибо, Евгений Максимович. Здесь, действительно, много уже сказали, поэтому я постараюсь быть кратким. Хочу сказать, что согласен с нашим главным энергетиком Палаты, господином Шафраником. Также во многом согласен с моим другом, академиком Шмелевым. 7 сентября в Хельсинки была встреча, которую организовало европейское сообщество вместе с финскими властями, это «ЕЭС, Финляндия, Россия – сотрудничество в свете ВТО». Там было тоже примерно триста человек, и там нам предлагали такую модель, чтобы мы как бы получили хорошего поводыря в ВТО в виде европейских сообществ.

Мне понравилось выступление Максима Юрьевича Медведкова, который сказал там, что для сырьевой экономики ВТО не нужно (это то, что Шафраник примерно говорил). ВТО нужно для промышленного экспорта и для модернизации. Вот если мы это сможем использовать, хотя есть и такие настроения: есть ВТО, нет ВТО – нам на все это, как говорится, наплевать. Как будем, так и пойдет. Привыкли жить «по понятиям» – и будем так и жить. Вот это то, что на этой встрече, 7 сентября, отмечали все: и наши товарищи, и товарищи из европейских сообществ.

Они сказали, что есть два пути. Первый – это Россия будет выполнять дух и букву ВТО. Все согласны? Все согласны. Второй путь – Россия пойдет в обход. Все согласны? Все согласны. Поэтому от того, как мы сами соберемся, и захотим ли мы, или найдется Петр I, который будет брить бороды и резать длинные рукава, будет зависеть, как мы сможем использовать наше членство в ВТО. Все

зависит от нас, от того, какие мы себе сможем сделать правила, которые соответствовали бы правилам ВТО, если мы хотим быть цивилизованными.

И последнее. Скажу, как главный редактор журнала. Мы специальный номер, девятый, посвятили проблемам России в ВТО, рекомендуем ознакомиться, рекомендуем подписаться.

Я хочу еще одну деталь подчеркнуть, уважаемые коллеги. ВТО – это такая не только экономическая, но и идеологическая штука. И это надо прекрасно поднимать. Сейчас в средствах массовой информации идет очень сильное наступление, это та самая холодная информационная война, когда нам говорят: «Ребята, а чего вы, собственно, боитесь? Давайте вашу нефть, а мы вам завалим ширпотребом. Как хорошо, ничего делать не надо. Ваша нефть, ваш газ, а мы вам – ширпотреб. Выиграет потребитель». Конечно, этому надо дать очень серьезный отпор, Евгений Максимович, и вы это прекрасно делаете, а мы вам будем помогать. Спасибо.

ПРИМАКОВ Е.М.:

Спасибо большое. Слово предоставляется Слепневу Андрею Александровичу, министру по торговле коллегии Европейской экономической комиссии. Подготовиться Гринбергу Руслану Семеновичу.

СЛЕПНЕВ Андрей Александрович, министр по торговле коллегии Европейской экономической комиссии

Большое спасибо. Я буквально коротко, поскольку много уже было сказано. Ну, во-первых, и вчера это уже обсуждалось в РСПП, мы действительно считаем, что условия присоединения вполне адекватны, и результаты переговорного процесса во многом позволяют встроиться в механизмы глобальной конкуренции, которая, конечно, вырастет после присоединения. Я также считаю, что неплохо, что мы присоединялись в течение такого длительного времени, на протяжении 18 лет. За это время можно было на практике убедиться, что политика «жизни за бором», который, может быть, иногда был слишком высоким, она, по сути говоря, во многом привела

к консервации технологического отставания. Хотя конечно, при этом было и много других отрицательных факторов, мы все их понимаем. В том числе, закрытость от глобальной конкуренции усиливала это отставание.

Что касается дискуссии, которая шла по ВТО на протяжении последних десяти лет. Знаете, часто приводился пример «АвтоВАЗа»: как же будет жить «АвтоВАЗ», вот это 2004 год, 2005 год, там же миллионы работающих, вместе с семьями. Ну вот не было ВТО, «АвтоВАЗ» перешел на производство автомобилей на иностранной платформе. Закрыв производство старых советских моделей, которые назывались классикой. Потом, правда, были меры поддержки после кризиса, опять вернулись к производству классики, но вроде бы сейчас уже закрыли навсегда. Это просто такой достаточно характерный пример, что ВТО, не ВТО – все равно жизнь идет своим чередом. И здесь важно не наращивать отставание.

Что касается мер, которые непосредственно нас ожидают. Действительно, я бы, честно говоря, сконцентрировался на системных изменениях, которые нас ждут. Безусловно, уровень конкуренции будет возрастать, иностранные бренды надеются, что российское ВТО позволит им увеличить продажи на рынке Таможенного союза. Безусловно, эти их амбиции подогреваются кризисными явлениями и снижениями глобального спроса. Они, конечно, с большим интересом смотрят на наш рынок.

Ну, и здесь нужно готовиться к тому, что эта конкуренция будет расти, в том числе, будут апеллировать и к обязательствам по ВТО. С другой стороны, я все-таки надеялся бы, что и глобальные инвесторы также будут рассматривать Россию не только как рынок сбыта локализованной здесь продукции, но и как площадку, на которой можно производить глобальный продукт, пользуясь теми преимуществами, которые есть здесь. Это и ресурсы, и людские ресурсы, и энергетика – это действительно конкурентные преимущества, которые могут быть реализованы при надлежащем качестве делового климата.

Одним словом, это системные изменения, которые требуют системных усилий правительства для того, чтобы быть конкурентными с точки зрения регулирования и бизнеса, и системных партнерств для компаний, которые должны себя воспринимать уже как глобальные игроки во многом, а не только как локальные производители, работающие за определенным барьером защитных мер. И, конечно, самое главное – выработать тот баланс разумных стимулов повышения конкуренции и мер защиты и поддержки, чтобы действительно здесь мы были адекватными и, вместе с тем, амбициозными с точки зрения рисков и возможностей развития бизнеса.

Я хочу еще отметить тот факт, что в рамках нашей Евразийской экономической комиссии мы очень внимательно следим за ситуацией, у нас сейчас реализуются полномочия по мерам защиты рынка. Уже больше 10 таких конкретных дел мы ведем, и надеемся, что по тем острым позициям, где требуются такие меры, мы их сможем грамотно реализовать, с тем чтобы они были восприняты, в том числе, и в рамках многосторонней торговой системы.

И в заключение хочу сказать то, что касается дополнительных экспортных возможностей. Мы должны понимать, что за время, пока буксует дохийский раунд, мир уже ушел несколько дальше, и сейчас эти амбиции реализуются в рамках соглашения о свободной торговле. Россия, не будучи членом ВТО, во многом в этот процесс не была включена, потому что ВТО там в базе находится. Сейчас, как только мы вступили, очевидно, интерес будет увеличиваться, я вчера об этом говорил – 35 стран уже выразили интерес, чтобы заключить с нами соглашение о свободной торговле.

С одной стороны, это, конечно, риск новой волны либерализации, мы к нему вряд ли готовы сейчас. С другой стороны, это уже следующий этап, который мы должны смотреть, чтобы реально продвигать наш экспорт. Это уже действительно задача на будущее. Спасибо.

ПРИМАКОВ Е.М.:

Спасибо. Слово предоставляется Руслану Семеновичу Гринбергу.

ГРИНБЕРГ Руслан Семенович, директор Института Экономики РАН, академик РАН

Спасибо, Евгений Максимович. Я хотел бы обратить внимание на три вещи. Мы уже много говорили о разных аспектах вступления России в ВТО. Я думаю, первое: участие России в ВТО – это совершенно естественное дело, мы просто впервые участвуем в Конституции мирового хозяйства. И понятно, что мы должны быть в этом клубе, чтобы создавать коалиции, изменять правила, как это все делают они. И это очень правильно. Другое дело, что у нас были бы

другие результаты переговоров, если бы за последние 20 лет была бы какая-то, более или менее осмысленная промышленная политика. Но это было, как вы помните, ругательное сочетание слов. И именно в тот момент, когда мы вступили в ВТО, это сочетание слов – промышленная политика – перестало быть ругательным. Но для ее проведения, конечно же, очень сильно осложнились условия.

Конечно, здесь есть противоречивые аспекты нашего вступления туда, потому что, с одной стороны, мы не имели промышленной политики, и получили тотальную примитивизацию структуры экономики. С другой стороны, вступление в ВТО обостряет конкуренцию – и это очень хорошо, потому что вторая жестокая болезнь российской экономики – ее тотальная монополизация. Поэтому обострение конкуренции только взламывает монополии, картели, сговоры. И это хорошо.

Я думаю, что говорить о том, что ВТО полностью парализует всякую правительственную деятельность по поддержке тех или иных приоритетов, – это неправильно, глупо. Мы должны смириться с тем, что мы живем в мире двойных, тройных стандартов. И существует очень много разных обстоятельств, которые можно использовать для поддержки каких-то брендов и производить готовую продукцию, если мы, конечно, хотим их еще производить. Если мы будем ограничиваться только риторикой, то, конечно, все будет так, как есть. Но мне кажется, что субсидирование процентной ставки или финансовые льготы для инвесторов в НИОКРы создают много возможностей для того, чтобы выделенные приоритеты, если конечно они будут выделены, максимально поддерживать и хоть как-то нарастить диверсификацию экономики, о которой мы все мечтаем.

Если бы мы добились такой же государственной поддержки, какой обладают наши конкуренты, это уже было бы большое дело. И ВТО никак не препятствует этому. Здесь очень забавная история с сельским хозяйством. Интересно, что западные страны хотят, в принципе, сократить субсидии сельского хозяйства, но многие обстоятельства этому мешают. А мы им говорим: «Вот мы почему-то бедные, у нас пока там три миллиарда только, а разрешите нам девять». Это конечно, забавно очень, когда они говорят: «А как же? Мы же все хотим снизить эти субсидии, чтобы была честная конкуренция». Я думаю, что теперь-то у нас сильное государство. Почему у нас такая низкая поддержка сельского хозяйства? Это не укладывается просто. А потом: а почему мы ее увеличиваем? Когда мы будем богатыми? Не очень понятно.

И последнее. Мы действительно представляем там, в ВТО, наш Таможенный союз. Это очень хрупкий ребенок. Неизвестна его судьба. Очень тяжело. Но он первый реальный. И мне кажется, что здесь было бы очень правильно, если бы мы инициировали уже теперь

такую межгосударственную промышленную политику – не важно, старомодную, новомодную – но в рамках той идеологии, которая могла бы помочь реструктурировать все их экономики. И они этого ждут. Они ждут инициативы России. И в данном случае, Украина пока не входит туда, это чувствительный момент, потому что без Украины не может быть полноценного регионального союза, но они готовы секторально участвовать в начинаниях, которые могла бы инициировать Россия.

Мне кажется, что здесь можно было бы вернуться к пресловутой комплексной программе научно-технического развития. Кто помнит, в конце Советской власти, но не на зверской командной основе, как это было, а нормально, в рамках индикативного планирования, с помощью не команд, а стимулов. Просто жизнь требует этого. И более того, нам это будет полезно очень. Спасибо.

ПРИМАКОВ Е.М.:

Спасибо. 15-й выступающий – аудитор Счетной палаты Кузьмицкий Алексей Алексеевич. Прошу.

КУЗЬМИЦКИЙ Алексей Алексеевич, аудитор Счетной палаты РФ

Спасибо, Евгений Максимович. Я хотел бы проинформировать, что Счетная палата не остается в стороне от этого вопроса, и в настоящий момент проводятся мероприятия по анализу мер, принимаемых органами государственной власти по выполнению обязательств и реализации прав Российской Федерации, связанных с присоединением к ВТО, по оценке влияния норм правил ВТО на бюджетную систему и отрасли экономики.

Промежуточный отчет мы уже направляли в Государственную Думу Совета Федерации перед рассмотрением вопроса о ратификации протокола. А пока, конечно, безусловно, окончательные выводы делать рано, но мы также констатируем, что, да, есть планы и по адаптации, и по имплементации. И то, что Евгений Максимович сказал сегодня, что на следующей неделе будет рассмотрен в правительстве новый план, внесены будут какие-то изменения в план

по адаптации, наверняка там учтутся и предложения бизнеса, и предложения Государственной Думы, которые были сделаны.

Единственный момент, на котором бы хотелось заострить внимание, – это на региональном аспекте. То есть по отраслевому признаку все-таки на сегодняшний день как бы зарождается система мониторинга, а вот в региональном аспекте у нас есть колоссальное количество проблем. При рассмотрении проектировок бюджета на следующий год и плановый период мы видим, что никоим образом этот вопрос не отражен в формировании Федерального фонда поддержки регионов, то есть, есть определенные зарезервированные деньги. Безусловно, нужно посмотреть, что будет в жизни, нужна ли поддержка, и какая поддержка, но, по крайней мере, такая комплексная оценка на сегодняшний день не проводилась.

И, что самое главное, нужен все-таки импульс какой-то с федерального уровня, наверное, со стороны именно Минкомразвития как координирующего министерства, по ведению мониторинга, по рассмотрению, анализу результатов мониторинга, и, соответственно, принятию мер реагирования. Нужны все-таки сегодня уже выработанные общие методологические подходы к ведению этого мониторинга. И, на наш взгляд, чем чувствительнее будет созданная система, тем больше будет шансов принять вовремя действенные меры, которые разрешены, по минимизации последствий для экономики.

Еще один немаловажный момент, сегодня вскользь об этом говорилось. Нужно пристальнее посмотреть на сложившуюся систему по охране и защите результатов интеллектуальной деятельности. Этот вопрос, на наш взгляд, обострится, и станет более актуальным в связи со вступлением в ВТО.

Почему я об этом говорю, потому что так же по проектировкам мы видим, что патентные пошлины для резидентов Российской Федерации увеличиваются на 35%. То есть, на сегодняшний день, до уровня нерезидентов. То есть на сегодняшний день и так у нас, в общем-то, уровень охраны и защиты результатов интеллектуальной деятельности достаточно слабый. Я пару цифр приведу. В 2010 году, например, в Российской Федерации подано около 2% заявок от общего количества мировых заявок. А вот уровень патентования за рубежом еще ниже, и, соответственно, сопоставим с такими компаниями как «Siemens», он в десятки раз ниже, чем в развитых странах.

На сегодняшний день есть поручение правительства о разработке основных положений государственной стратегии в области интеллектуальной собственности. Мы считаем, что это достаточно важный документ, и чем быстрее будет принята стратегия и необходимые документы в целях ее реализации, тем, соответственно,

11.10.2012 г.

быстрее сформируется база по новым подходам к формированию системы охраны и защиты результатов интеллектуальной деятельности. Мы прекрасно понимаем, что это влияет и на конкурентоспособность продукции, и на стоимость, и, соответственно, дальше – повышение материальных активов, и отсюда все следующее. Спасибо.

ПРИМАКОВ Е.М.:

Спасибо большое.